

ДРУЖЕСКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Сегодня, 20 лет спустя, уже можно более или менее точно оценить роль «Кохинора» и «Рейшинки» в культурной жизни второй половины XX века. Вернее, трудно представить себе, насколько культурна была бы эта жизнь, не будь «Кохинора» и «Рейшинки».

И трудно поверить сегодня, когда эти ансамбли встали в один ряд с такими признанными корифеями, как ансамбль скрипачей Большого театра, «Чикагские павианы» и неуязвимый ансамбль хоккеистов ЦСКА, что все началось от нежелания заниматься в рабочее время тем, чем в рабочее время положено заниматься.

Нельзя сказать, что создатели и первоучастники ансамблей, такие, как Ю. Н. Соколов, И. Покровский, В. Косаржевский, И. Шишкина, Ю. Ранинский, Р. Алдонина, О. Лебедева, И. Фокина, Ф. Новиков, А. Шайхет, В. Уткин и другие, были по натуре филонами. Это, во-первых, было бы непедagogично, так как Ю. Н. Соколов, например, ректор Московского архитектурного института. Во-вторых, уже то, что каждый второй в этом списке либо лауреат, либо кандидат, либо просто руководитель мастерской, а каждый первый только и думает, как им стать, показывает, что все это — люди достойные и то, что они несколько отвлеклись от своих прямых обязанностей, видимо, имело глубинные причины.

Только год спустя после создания этих ансамблей, в 1955 году, стали понятны причины ухода целой плеяды юных дарований из зодчества в комедианство. Как выяснилось позднее, это был протест против безудержных излишеств в архитектуре. Не имея возможности положить предел разбазариванию народных денег, они выражают свой протест как бы музыкально-сатирическим способом, в чем их всячески поддерживают дирекция и общественные организации тогда еще одинокого, как автор на архсовете, Москва-1.

— А кто у вас главный? — первым делом спрашивают нас хорошие знакомые и заинтересованные организации. Главных у нас много. Есть, например, главные по музыкальной части. Это И. А. Покровский и А. В. Хейфец. Есть директор по хозяйству — Б. Шлифштейн. Есть главный по оргвопросам — Ф. Свердлов. Есть просто главный — В. И. Косаржевский. Кроме них, есть мно-

жество отраслевых и межведомственных главных: О. Лебедева — по линии «Рейшинки», Ю. Арндт — по акробатам, главные по карандашам, по текстам, по сбору опоздавших, по составлению объяснительных записок о неправильном поведении солистов в командировках. Они же разъясняют вышестоящим организациям смысл тех или иных текстов.

Сегодня, когда наши всемирно

«Рейшинка» в Колонном зале Дома союзов.

известные ансамбли находятся в зените заслуженной славы, когда все, о чем они мечтали и пели, воплощено в сборный бетон, армированное стекло и неанодированный алюминий, очень многие делают прозрачные намеки на свою причастность к рождению этих ансамблей века.

Поймите нас правильно. Нам нечего делить, все мы друзья, соратники и сотрудники. Но мы считаем долгом сделать так, чтобы кесарю досталось кесарево. Так было в 1898 году при основании МХАТа (в старом здании), так будет и у нас, решили мы.

Нас иногда спрашивают: «Верно ли, что среди первых участников «Кохинора» был И. В. Жолтовский?». — Нет, отвечаем мы, И. В. Жолтовский учился на курс старше.

Относительно самого первого состава мужского хора «Кохинор» даже в среде первоучредителей существуют различные мнения. Часть из них утверждает, что видели на правом фланге Д. Чечулина, который пел приятным тенором. Другие говорят, что этого не может быть и будто бы это был не Д. Чечулин, а И. Ловейко, третьи — Н. Уллас.

На самом-то деле мы знаем, что это был А. Циплаков. Что касается А. Осмера, то он точно не пел в «Кохиноре», но косвенное отношение к развитию ансамблей Алексей

Мы никогда не скрывали, что были бы чрезвычайно рады видеть в своих рядах М. В. Лосохина, Д. И. Бурдина, Г. В. Макаревича, Б. Р. Рубаненко, Г. Н. Фомина и других товарищей. Но зная их большую загрузку, не настаивали. Более того, мы с болью в сердце откомандировали в Большой театр одну из «Рейшинки» — народную артистку СССР Ирину Архипову, которая поет теперь вдали от живительного архитектурного источника.

Прежде чем дать краткий исторический обзор художественного подвига ансамблей, хотим сказать несколько слов о том, как складывалась песня. Из глубин народных масс, из гущи жизни, из репродуктора, из салона художника-модерниста, из детского сада, из-за границы и из мест, может быть, даже отдаленных черпали участники самодеятельности мотивы, находящиеся в данный момент на острие музыкального ножа. Мелодия напевалась в приблизительном виде музыкально-художественному руководителю (маэстро, как называли его на официальных приемах) И. Покровскому, пропускаясь через музыкальный кибернетический комбайн — А. Хейфеца и выходила из комбайна в совершенно неузнаваемом виде.

На эту мелодию, плод разгоряченного воображения музачи, народные искатели (как правило, это были Р. Алдонина, В. Уткин, А. Шайхет, Ю. Ранинский и Ю. Соколов-второй — не проректор, а архитектор) слагали свой вариант слов, от которых первичный автор (услышь он их), как минимум, попал бы в санаторий-профилакторий.

Весь этот словесный коктейль исполнялся всему составу ансамблей, и, если хоть у одного из членов хора было возражение против хотя бы одного слова, текст беспо-

щадно отвергался. Искатели уползали зализывать творческие раны, а солисты делились анекдотами, обсуждали, кого завалили на последнем совете, и жаловались на отсутствие текстов.

И, наконец, когда текст и музсопровождение устраивало всех, выяснялось, что из 42 участников хора в наличии имеется четверо, и все — вторые тенора.

Весь состав хора удалось собрать лишь дважды: для выступления на заключительном концерте Всесоюзного смотра художественной самодеятельности, лауреатом которого ансамбли стали в 1956 году, и в десятую годовщину деятельности, когда ожидалась выдача плащей «блонья» всем присутствующим. В остальные разы: на фестивале в 1957 г., в Киеве, в Каннельярви, в Ленинграде, Норильске, Новосибирске, Братске, Иркутске, Красноярске, Ереване, Горьком, Куйбышеве, Тольятти — словом, всюду, куда нас заносила судьба артиста, и трижды по телевизору — никогда больше 52% участников собрать не удавалось, несмотря на то, что этим занимались по совместительству люди такой легендарной энергии, как В. Косаржевский и Ф. Свердлов, не говоря уже о Б. Шлифштейне, который сам потерял и сам нашел с собакой-ищейкой два комплекта билетов на поезд Саратов — Москва.

Прежде чем перейти к историческому обзору репертуара, следует подчеркнуть его исключительную действенность. К нам прислушивались в Моссовете, нас поблажали в Госстрое, с нами советовались ТАМ.

Стоит, бывало, нам песню «Ячейка типовая» исполнить — и тут же ГлавАПУ бросается разрабатывать унифицированный каркас и занимается им 20 лет, не переставая.

Споем «По проспекту вдоль квартала» — и вот принимается решение о борьбе с излишествами в архитектуре и ставится задача обеспечить

волшебного жезла вся страна покрывалась типовыми домами, похожими друг на друга, как типовые проекты. Больше того: не успеем, бывало, сделать новую программу, как тут же назначался съезд архитекторов.

Порой даже становилось страшновато: а не перегибаем ли мы, а не слишком ли мы критикуем? Нет ли тут волонтеризма с нашей стороны, неуважения к мнению руководящих товарищей, Главмосстрою, ГМПСМ, УПО, СЭС и прочая? Не очень ли подменяем мы собой директивные органы?

Думалось: чем черт не шутит, вот так попоешь-попоешь, все недостатки изложишь, не успел оглянуться — их уже исправили. А недостатков нет — зачем, спрашивается, мы нужны? В этот период мы начинаем экономить критический материал, бережно сохранять и делеять отдельные имеющиеся недостатки в строительстве. Так что если уважаемый наш читатель и почитатель где и увидит косое ограждение или облупившиеся швы — пусть знает: это специально оставлено для нас.

Время шло, время брало свое. Выступать становилось некогда: задала архитектура. Личный состав басов, теноров и недобасов двинули на повышение. Немного статистики: «Кохинор» и «Рейшинка» дали миру 16 руководителей мастерских и отделов, 78 главных специалистов, 3 управляющих трестами, 1 великого киноактера, 1 дипломата, 1 фельетониста, 4 драматургов на окладе копировщицы, одного секретаря правления и одну мать-героиню Союза советских архитекторов.

Ансамбли недодали миру 2 министров, 1 архитектора и 1 шеф-повара. Не исключено, что в очередные 20 лет это упущение будет выполнено, кроме архитектора, которого, по-видимому, так и недодадут.

«Кохинор» и «Рейшинка» — это ансамбли солистов, конгломерат личностей, созвездие своеобразных талантов. Так, как М. Фирсов солировал в «Бонбоньерке», мог петь только бессмертный Фигнер. Как Патти можно сравнить с божественной О. Лебедевой, так и Н. Немчинова уподобим Ф. Шляпину, который, как известно, в отличие от Колмоши, пошел в электротехнику. В народе говорят: когда поет А. Панченко — дамы цепенеют. Народ прав только наполовину — от дам остаются одни дымящиеся платформы.

Гусар и киноцыган Л. Соколов, эластичный Ю. Арндт, основоположник архитектурной акробатики В. Кувырдин обладают не менее ценными свойствами.

Через «Рейшинку» мы породнились со всем миром. Выдавали мы солисток замуж и в Италию, где воздух голубой, и местами по России. Но всюду, куда бы ни попадали члены ансамблей (Алдонина — в Конго, Ранинский — в Джакарте, Косаржевский — в Монголии, Шайхет — в бананово-лимонном Сингапуре, Панченко — повсеместно), они немедленно ориентировали местные демократические круги на критику и повышение качества строительства, ухитряясь при этом не только ориентировать, но выпускать чертежи и принимать готовые объекты.

Что и говорить, если бы ту же Милашкину, Образцову или Муслима Магомаева заставили по 7 часов в день петь, а вечером в свобод-

Маэстро И. Покровский.

ное от пения время, заниматься бесплатно привязками, очень сомнительно, что москвичи имели бы сегодня полносборное жилье в таком количестве.

А наши девушки привязывали. Привязывали и параллельно блестяще пели — и З. Абрамова, и Д. Василевская, и другие. И С. Любимов тоже неплохо пел и играл на виолончели, хотя и не так, как Докшицер на трубе. Пой спокойно, дорогой товарищ, поскольку днем ты честно сделал свое дело.

Конная ретроспектива.

Но — в сторону лирики! 20 лет — срок немалый. Закончен ли труд этих изумительных во всех отношениях артистов и высококвалифицированных специалистов? «Закончечки», — так думали все, когда новорожденным стукнуло 10 лет. «А черт их знает! — так думают сегодня, на пороге славного 20-летия. — Думали, их нет давно, а они все чиркают».

Так присоединимся к нашим замечательным словам, помещенным в статье «Поющие карандаши», и скажем вместе с юбилярами:

Мы пели 20 лет
Своим здоровым коллективом,
Мы говорили — нет,
Когда встречались с некрасивым.
Той песни не уметь, нет, кажется, не унять или нет? Как же дальше? «Пусть даже Главмосстрой»... или нет — Госстрой, а еще... Да... Нам страшно неловко, но, к сожалению, дальше мы забыли слова. Увы... двадцать лет... есть двадцать лет. В общем, дальше там было о чем-то хорошем, чего, дорогие наши слушатели и зрители, мы, участники ансамблей «Кохинор» и «Рейшинка», от всей души желаем вам. Спасибо за понимание.

По поручению коллектива
вспомнил и достоверно иска-
зил действительность

Устин МАЛАПАГИН.
Рис. Э. Яворского.

В студии Центрального телевидения.

Таратория «1812-е решение».